

ПРОЛОГ

Кейт
1982 год

Давно знакомые, не забытые призраки, пришедшие отпраздновать ее день рождения, заполнили просторный бальный зал. Кейт Блэкуэлл наблюдала, как они бесшумно скользят между живыми, из плоти и крови, ничего не подозревающими гостями в смокингах и сверкающих драгоценностями вечерних туалетах; перед ее мысленным взором медленно разворачивалось полуфантастическое красочное зрелище...

Сто приглашений на сегодняшний вечер в Сидар-Хилл-Хаус, сто человек сочли за честь посетить великолепный бал. Сотня гостей.

«Не считая призраков», — мрачно усмехнувшись, подумала Кейт Блэкуэлл.

Виновница торжества, стройная миниатюрная женщина, обладала столь горделивой осанкой, что казалась намного выше, чем была на самом деле. Трудно было, хоть однажды увидев, забыть это лицо: гордый профиль, сумеречно-серые глаза и упрямый подбородок, наследие шотландских и голландских предков, чья кровь смешалась в ее жилах. Когда-то роскошная густая копна черных волос поредела и побелела, изящные складки бархатного платья цвета слоновой кости красиво оттеняли тонкую полупрозрачную, как у некоторых стариков, кожу.

«Совсем не чувствую себя девяностолетней, — подумала Кейт Блэкуэлл. — Куда ушло время, невероятно долгое время?..»

И снова окинула взглядом танцующие привидения:

«Они знают. Они все время были здесь. Проводили со мной эти годы, стали частью моей жизни».

Она заметила Бэнду; горделивое черное лицо сияло от радости. Рядом стоял Дэвид, ее дорогой Дэвид, такой же высокий, молодой и красивый, как в тот день, когда она влюбилась в него с первого взгляда; муж улыбнулся Кейт, а она подумала: «Скоро, родной, скоро».

Как жаль, что Дэвид не дожил и не успел увидеть своего правнука!

Кейт вновь обежала глазами большую комнату и наконец заметила его около оркестрантов. Поразительно красивый восьмилетний мальчик со светлыми волосами, в черном бархатном пиджачке и брюках из шотландки, был точной копией прапрадеда, Джейми Мак-Грегора, портрет которого висел над мраморным камином.

Будто почувствовав ее взгляд, Роберт повернулся, и Кейт, подняв руку, поманила его к себе.

Бриллиант чистейшей воды в двадцать карат, поднятый отцом Кейт с песчаного берега почти сто лет назад, рассыпал сноп искр, отразив сияние хрустальной люстры. Кейт удовлетворенно следила за пробирающимся между танцующими гостями Робертом.

«Я — прошлое, — подумала она. — Роберт — будущее. Когда-нибудь мой правнук станет во главе «Крюгер-Брент лимитед!»»

Мальчик наконец добрался до кресла Кейт; она подвинулась, давая ему место.

— Тебе весело, бабуля?

— Да, Роберт, спасибо!

— Потрясающий оркестр. Дирижер ужасно плох.

Кейт непонимающе взглянула на правнука, но морщинки на ее лбу тут же разгладились.

— А, поняла. Хочешь сказать, что он на самом деле очень хорош?

— Точно! — расплылся в улыбке Роберт. — Тебе и вправду не дашь девяносто.

— Между нами говоря, — засмеялась Кейт, — я совсем не чувствую себя старухой.

Ручонка Роберта скользнула в ладонь Кейт, и оба, довольные собой и друг другом, молча сидели, разглядывая гостей; восьмидесятилетнее различие в возрасте нисколько не служило помехой.

Кейт заметила в толпе танцующих внучку. Несомненно, они с мужем были самой красивой парой в этом зале.

Мать Роберта увидела сидящих сына и бабушку.

«Какая невероятная женщина, — удивилась она про себя. — Поистине, у бабушки нет возраста. Никто и представить не может, сколько всего ей пришлось пережить!»

Музыка смолкла; дирижер объявил:

— Леди и джентльмены! С удовольствием представляю вам юного музыканта Роберта!

Роберт крепко сжал пальцы прабабки, поднялся, направился к роялю и сел. На лице ребенка появилось серьезно-сосредоточенное выражение, пальцы забегали по клавишам. Мальчик играл Скрябина; серебристые звуки поплыли в воздухе, словно играющий в волнах лунный свет.

Мать, затаив дыхание, думала только об одном:

«Он гений. И станет когда-нибудь знаменитым музыкантом...»

Он уже больше не ее ребенок, родной маленький мальчик. Роберт принадлежит всему миру.

Аплодисменты, вознаградившие юного музыканта, были дружными и искренними.

Столы для ужина накрыли в саду, празднично украшенном фонариками, лентами и воздушными шарами. На террасе играл оркестр; официанты и горничные молча проворно сновали между столов, следя за тем, чтобы хрустальные фужеры и тарелки лиможского фарфора не пустовали.

Среди прибывших телеграмм оказались поздравления от президента Соединенных Штатов и председателя Вер-

ховного суда. Губернатор штата превозносил достоинства именинницы:

— ...Одна из самых выдающихся женщин в истории нации! Пожертвования Кейт Блэкуэлл сотням благотворительных организаций всего мира безгранично щедры. Фонд Блэкуэлл участвует в борьбе за здоровье и благосостояние народов более чем в пятидесяти странах. Говоря словами покойного сэра Уинстона Черчилля: «Никогда еще мир не был стольким обязан одному человеку». Я имею честь быть знакомым с Кейт Блэкуэлл...

«Черта с два! — пронеслось в мозгу Кейт. — Никто не знает меня! Возносят хвалы, будто какой-то святой! Что сказали бы все эти люди, загляни в душу настоящей Кейт Блэкуэлл?! Зачата воров в пьяном бреде и похищена чуть ли не из колыбели! Что они подумали бы, покажи я им шрамы от пуль на теле?»

Кейт повернула голову и посмотрела на человека, пытавшегося когда-то убить ее... Взгляд скользнул дальше, остановился на сидевшей в тени женщине в черной вуали, полностью скрывающей лицо. Перекрывая гремевшие где-то вдаль громовые раскаты, над столами разносился голос губернатора, завершающего речь. Кейт встала и оглядела собравшихся гостей. Голос старой женщины оказался на удивление сильным и твердым:

— Я прожила гораздо больше, чем все вы. Конечно, молодежь может подумать, что заслуга тут невелика, но я рада, что дотянула до этого дня, потому что иначе не смогла бы увидеть сегодня своих дорогих друзей. Знаю, многие из вас приехали из дальних стран, чтобы поздравить меня сегодня, и путешествие, должно быть, сильно утомило их. Нельзя же ожидать, чтобы у каждого была такая энергия, как у меня!

В ответ раздались взрыв смеха и аплодисменты.

— Благодарю за то, что украсили мой день рождения своим присутствием. Мне никогда не забыть этого! Еще раз примите мою благодарность. Для тех, кто желает отдохнуть, милости просим, ваши комнаты готовы. Для остальных — танцы в большом зале.

Где-то снова прогремел гром.

— Предлагаю всем перейти в дом, сейчас налетит очередная знаменитый ураган, которыми так славится Мэн.

Бал кончился... Гости удалились, и Кейт наконец осталась наедине со своими призраками. Сидя в библиотеке, она унеслась мыслями в прошлое и неожиданно почувствовала, как угнетена и расстроена.

«Никого больше не осталось из тех, кто называл меня просто Кейт. Все ушли», — подумала она.

Мир ее сузился, становился все меньше. Как сказал кто-то из великих, кажется, Лонгфелло:

«Листья воспоминаний скорбно шуршат во мраке...»

Скоро, очень скоро вступит она в эту тьму, но не сейчас. Еще рано.

«Я должна, должна завершить самое важное дело моей жизни, — мысленно убеждала Кейт ушедшего мужа. — Потерпи, Дэвид. Скоро мы будем вместе...»

— Бабушка!

Кейт открыла глаза. В комнате собрались все родственники. Она поочередно оглядела их безжалостным, бесстрастным, словно рентгеновские лучи, взглядом, ничего не упуская.

«Моя семья, — подумала она. — Мое бессмертие. Убийца, урод и сумасшедший. Фамильные скелеты в шкафу. Позорные тайны семьи Блэкуэлл... Чем кончились все эти годы надежды, боли и страдания, каков их итог?»

— Ты себя плохо чувствуешь, бабушка? — встревоженно спросила подбежавшая внучка.

— Немного устала, только и всего. Думаю, мне пора отдохнуть.

Кейт встала и направилась было к лестнице, но тут раздался оглушительный удар грома, и дождевые струи бешено ударили по стеклам пулеметной дробью. Вся семья молча глядела вслед поднимающейся по ступенькам маленькой женщине с гордой осанкой.

Блеснула молния; секундой позже послышался оглушительный треск.

Кейт Блэкуэлл обернулась, глядя сверху вниз на собравшихся в библиотеке людей, и заговорила со странным акцентом своих предков, внезапно вернувшихся к ней из глубины лет:

— В Южной Африке такие ураганы называют грозами.

И вновь смешалось прошлое и настоящее; старая женщина медленно шла по коридору к спальне в сопровождении знакомых, родных теней.

КНИГА ПЕРВАЯ

Джейми
1883—1906 годы

Глава 1

— Настоящая гроза, — объявил Джейми Мак-Грегор. — Клянусь Богом! — Он с детства привык к жестоким ураганам северной Шотландии, но в жизни не видел ничего подобного.

Голубое полуденное небо внезапно потемнело от поднявшихся в воздух песчаных столбов, мгновенно превративших день в ночь. Сквозь пыльную дымку засверкали огненные стрелы, сопровождаемые оглушительными громовыми раскатами. Потом небеса разверзлись, дождевые струи безжалостно ударяли в покрытые жестью крыши хижин, палатки; по грязным улицам Клипдрифта тут же понеслись бурные коричневые потоки. Громовые взрывы были подобны пушечной канонаде, словно разгневанные боги вели между собой непрекращающуюся битву.

Джейми Мак-Грегор едва успел отскочить, вовремя заметив, как дом, выстроенный из необожженного кирпича, превратился в бесформенные комья глины и рассыпался на глазах. Юноша только ошеломленно потряс головой в уверенности, что Клипдрифт вряд ли уцелеет после такого бедствия.

Клипдрифт, в общем, не был городом в истинном понимании этого слова и представлял собой всего-навсего хаотическое нагромождение брезентовых палаток, лачуг

и фургонов, расположившихся по берегам реки Ваал, и населенное в основном людьми с безумными глазами фанатиков, влекомых в Южную Африку со всех концов света одной страстью, одной навязчивой идеей — найти алмазы.

И одним из этих фанатиков был Джейми Мак-Грегор. Ему только-только исполнилось восемнадцать. Симпатичный юноша, высокий, светловолосый, с поразительно красивыми светло-серыми глазами, излучавшими искренность, дружелюбие и готовность прийти на помощь. В характере его не было ни капли злобы, а оптимизма хватило бы еще на десять человек.

Джейми проделал огромное путешествие почти в восемь тысяч миль, от отцовской фермы в северной Шотландии до Эдинбурга, Лондона, Кейптауна и, наконец, добрался до Клипдрифта. Он уступил свои права на долю в ферме, которую возделывал совместно с отцом и братьями, но вовсе не жалел об этом, потому что знал: неизмеримо большее богатство ожидает его. Юноша оставил безопасную спокойную жизнь и оказался в этом забытом Богом месте, потому что мечтал о сокровищах. Джейми не боялся тяжелой работы, но однообразный выматывающий труд на каменистой земле маленькой фермы недалеко от Эбердина почти не приносил плодов.

Вся семья: родители, братья Джейми, сестра Мэри, сам юноша — гнули спину от рассвета до заката, но не могли выбиться из нужды. Однажды Джейми попал на ярмарку в Эдинбурге и с тех пор был не в силах забыть, какие чудесные вещи можно приобрести, если только в карманах звенят денежки. Как легко жить богачам! Если даже кто-то из них заболел, к услугам были лучшие врачи! Все друзья и соседи Джейми жили и умирали в беспросветной нужде.

Он вспомнил, в какое волнение пришел, когда услышал впервые о том, что в Южной Африке обнаружили алмазы. Там нашли самый большой алмаз в мире, лежавший просто в песке, под ногами, и вся страна казалась

огромным сундуком с сокровищами, только и ожидавшим, пока его откроют.

После ужина, субботним вечером, Джейми рассказал родным о своем решении. Вся семья еще сидела за небраным столом в убогой, обшитой нестругаными досками кухне, когда юноша объявил, застенчиво и одновременно гордо:

— На следующей неделе я уезжаю в Южную Африку искать алмазы.

Пять пар глаз уставились на Джейми, будто тот внезапно сошел с ума.

— Собираешься рыскать по свету в поисках алмазов? — спросил отец. — Да ты, должно быть, спятил. Все это сказочки для дураков, дьявольское искушение, чтобы отвратить человека от честного труда.

— А где ты возьмешь деньги на дорогу? — вмешался брат Йан. — Это ведь на другом конце света. У тебя ничего нет.

— Будь у меня деньги, — возразил Джейми, — к чему искать алмазы? Там соберутся одни бедняки, и я ничем не лучше остальных. Зато у меня есть мозги и сильные руки. Не пропаду.

— Энни Корд так расстроится, — вздохнула сестра Мэри. — Она надеялась когда-нибудь выйти за тебя замуж.

Джейми обожал сестру. Она была старше на семь лет. Двадцать четыре года, а выглядела на все сорок, и никогда в жизни не имела ни одного красивого платья. Джейми мысленно поклялся сделать все, чтобы Мэри была счастлива.

Мать молча взяла блюдо с остатками еще дымящейся каши и шагнула к металлической раковине. Поздно ночью она подошла к кровати Джейми, нежно коснулась его плеча, и юноша ощутил, как новая сила вливается в мышцы.

— Делай, как считаешь лучше, сынок. Не знаю, есть ли там алмазы, но если есть, значит, ты найдешь их.

И, вынув откуда-то потертый кожаный кошелек, протянула Джейми.

— Мне удалось скопить несколько фунтов. Остальным об этом знать не обязательно. Благослови тебя Бог, Джейми!

Юноша отправился в Эдинбург с пятьюдесятью фунтами в кармане.

Долгое трудное путешествие в Южную Африку заняло почти год. Джейми устроился официантом в третьеразрядном эдинбургском ресторане и работал до тех пор, пока не удалось прибавить еще пятьдесят фунтов к уже имевшимся. Тогда он добрался до Лондона, где был потрясен размерами города, огромными толпами, шумом, омнибусами, покрывавшими невероятное расстояние — пять миль в час. Повсюду на улицах встречались двухколесные экипажи, в которых сидели прекрасные женщины в больших шляпах и шелковых платьях. Джейми, раскрыв рот, наблюдал, как эти небесные создания выпархивали из карет и кебов и входили в двери дорогих магазинов, в витринах которых были выставлены серебро, посуда, драгоценные украшения, меха и платья.

Довольно скоро он нашел квартиру на Фицрой-стрит, самую дешевую из всех виденных, всего за десять шиллингов в неделю, и целые дни проводил на пристани в поисках корабля, который мог бы доставить его в Южную Африку, а вечерами бродил по городу, не уставая восхищаться невиданными чудесами.

Как-то раз ему удалось увидеть Эдуарда, принца Уэльского, входившего через боковую дверь в ресторан, неподалеку от «Ковент-Гардена»; под руку с прекрасной незнакомкой в большой шляпе с цветами, и Джейми представил, как пошла бы его сестре такая шляпа.

Юноша посетил концерт в «Кристалл-паласе», выстроенном специально для Всемирной выставки 1851 года, купил билеты в «Друри-Лейн», а в антракте пробрался в театр «Савой» — единственное общественное здание в Англии с электрическим освещением. Правда, на некоторых улицах уже были установлены электриче-

ские фонари, и Джейми слышал даже, что изобретены такие аппараты-телефоны, с помощью которых можно говорить с человеком, находящимся на другом конце города.

Будущее казалось безоблачным. Но, несмотря на все нововведения и внешний блеск, Англия очутилась на пороге очередного экономического кризиса. На улицах было полно безработных голодных людей; то и дело вспыхивали уличные беспорядки, каждый день проводились демонстрации и митинги. Джейми мечтал только об одном: поскорее уехать из Лондона, начать новую жизнь, где не будет бедности и нужды.

На следующий день ему удалось наняться стюардом на пароход «Уолмер Касл», направляющийся в Кейптаун.

Путешествие продолжалось около трех недель; судно дважды заходило в порты — Мадейру и на остров Святой Елены, чтобы пополнить запасы угля. Погода была ужасной, постоянно дул ледяной ветер, штормовые волны били о борта, и Джейми жестоко страдал морской болезнью почти с той минуты, как корабль покинул лондонский причал. Но он ни на секунду не терял жизнерадостности, ведь каждый день становился ступенькой к осуществлению заветной мечты. По мере приближения к экватору погода заметно менялась, зима каким-то чудом превратилась в лето, а когда они достигли побережья Африки, дни и ночи стали жаркими и душными.

«Уолмер Касл» прибыл в Кейптаун на рассвете. Судно осторожно продвигалось по узкому каналу, отделяющему огромную колонию прокаженных на острове Роббен от материка, и наконец бросило якорь в Столовой бухте.

Джейми появился на палубе еще до восхода и зачарованно наблюдал, как поднимается предутренний туман, открывая великолепный вид на Столовую гору, величественно возвышающуюся над городом.

Путешествие закончилось.

Как только с корабля были спущены сходни, на причале появились толпы людей самого странного вида: раскисшие городских отелей, мужчины всех цветов кожи —

черные, желтые, коричневые, красные, наперебой предлагавшие поднести багаж. Мальчишки, снующие повсюду с газетами, фруктами и сладостями, метисы-извозчики, зазывавшие пассажиров, уличные торговцы и продавцы спиртного прямо с тележек громко расхваливали свои товары. В воздухе роились мириады жирных черных мух. Матросы и носильщики с трудом проталкивались через толпу, а пассажиры безуспешно пытались не выпускать из виду свой багаж. Повсюду царил хаос, слышалась непонятная речь. Джейми совсем не понимал языка, на котором говорили местные жители. И вообще, Кейптаун совершенно не походил ни на один из виденных им городов. Здесь нельзя было найти два одинаковых здания. Рядом с большим двухэтажным кирпичным складом лепилась убогая столовка из жести, и тут же — лавка ювелира с великолепными витринами, а за ней — крохотные магазинчики зеленщика и табачного торговца.

Джейми, раскрыв рот, наблюдал за пешеходами: негр в шотландских клетчатых штанах и мешке, в котором были прорезаны дыры для рук и головы, шествовал бок о бок с двумя китайцами в синих халатах; под конусообразными соломенными шляпами виднелись аккуратно свернутые длинные косы. Коренастые широкоплечие краснолицые буры-фермеры с волосами, добела выгоревшими на солнце, восседали на повозках, нагруженных картофелем, кукурузой и овощами. Мужчины почти все одеты в брюки и сюртуки из коричневого вельвета, на головах широкополые мягкие фетровые шляпы, в зубах — длинные глиняные трубки, женщины — в черном, под плотными вуалями, ниспадающими с больших капоров из темного шелка. Персиянки-прачки с большими узлами грязного белья на головах равнодушно проходили мимо солдат в красных мундирах и шлемах.

Зрелище было поистине красочным. Первой заботой Джейми было отыскать недорогие меблированные комнаты, которые рекомендовал ему один из матросов. Хозяйка оказалась приземистой грудастой вдовой средних лет. Оглядев Джейми, она улыбнулась и что-то спросила.

— Простите, — покраснев, пробормотал юноша, — я не понимаю.

— Ты англичанин, так? Приехал искать золото? Алмазы?

— Да, мэм, именно алмазы.

Затащив его в коридор, она захлопнула дверь.

— Тебе понравится, вот увидишь. У меня здесь все удобства, какие только требуются для молодых людей.

Джейми с ужасом подумал, не входит ли в перечень так называемых услуг и благосклонность самой вдовы, и от души понадеялся, что это не так.

— Я — миссис Венстер, — кокетливо объявила она, — но приятели зовут меня Ди-Ди.

И широко улыбнулась, показав золотой зуб спереди.

— У меня предчувствие, что мы станем хорошими друзьями. Просите о чем угодно.

— Благодарю, вы очень добры, — кивнул Джейми. — Не знаете ли, где можно купить карту города?

Раздобыв карту, Джейми часами бродил по улицам, восхищенно разглядывая богатые кварталы, то и дело останавливаясь перед красивыми двухэтажными зданиями с плоскими крышами и аккуратно оштукатуренными фасадами, заглядывал в предместья, чуть не падая от усталости, добирался до дому, преследуемый насекомыми, питавшими к нему, по всей вероятности, особую ненависть.

Огромные жужжащие стаи жирных черных мух были повсюду, и, возвратившись к себе, Джейми обнаружил, что в комнате их тоже полно.

Темная шевелящаяся масса сплошь покрывала стены, стол и постель. Пришлось идти к квартирной хозяйке.

— Миссис Венстер, нельзя ли как-нибудь выгнать мух из моей комнаты? Они...

Визгливо засмеявшись, хозяйка ущипнула Джейми за щеку.

— Ничего, малыш, со временем все привыкают. Вот увидишь.